

Ли Хайюнь выглядел весьма возмущенным:

— Я-то думал, тетушка человек благоразумный и справедливый, а она встала на сторону родного сына вопреки здравому смыслу! Все же очевидно: это старший кузен замыслил недоброе и хотел подставить нас обоих, а она взвалила всю вину на ванфэй... Какая несправедливость! Как бы то ни было, я обязательно обо всем доложу отцу.

Ань Чанцин не ожидал, что у этой истории окажется столь запутанная предыстория, впрочем, подобному поведению семьи Ань он несколько не удивился. В конце концов, с самого детства в их глазах он не совершил ни единого правильного поступка.

Поэтому он не стал сердиться, а лишь поинтересовался у Ли Хайюня:

— Кузен, коль скоро ты поссорился с семьей Ань, где планируешь остановиться?

Ли Хайюнь ответил:

— Срок службы отца в Чанъяне истек, он уже отправился в Ецзин и прибудет со дня на день. Так что я пока перебыюсь пару дней в нашем новом доме. Я осмелился нанести визит лишь потому, что переживал, как бы вчерашнее происшествие не навлекло беду на ванфэй, и хотел объясниться лично. Раз уж с ванфэй все в порядке, я раскланяюсь и не буду вас больше беспокоить.

С этими словами он снова низко откланялся:

— Считайте, что я ваш должник. Если в будущем вам потребуется моя помощь, только прикажите.

Его слова звучали искренне, поэтому Ань Чанцин не стал отказываться от предложения. Он угостил гостя чаем, побеседовал с ним немного и только потом велел Ван Фугую проводить его.

Когда Сяо Чжигэ вернулся в поместье, он как раз столкнулся у ворот с уходящим Ли Хайюнем.

Ли Хайюнь подошел и поприветствовал его. Он хотел было объяснить вчерашнее недоразумение, но, вспомнив, что Ань Чанцин сегодня отнесся к этому спокойно, решил не говорить лишнего. Поклонившись, он отошел в сторону и дождался, пока Сяо Чжигэ пройдет мимо, и только потом удалился.

Зато Сяо Чжигэ окинул его взглядом, и лицо его заметно потемнело. Войдя в передний зал и увидев Ань Чанцина, а затем заприметив на столе не убранные чашки, князь сразу понял, кто принимал гостя.

Будто бы между прочим он спросил:

— Я у ворот встретил Ли Хайюня. Зачем он приходил?

— Приходил извиниться за вчерашнее недоразумение.

Ань Чанцин заодно пересказал Сяо Чжигэ всю ту драму, что разыгралась в поместье Ань, и мерзости, которые учинил Ань Чанъюй. Чем больше Сяо Чжигэ слушал, тем сильнее хмурился:

— Твой отец силен в дворцовых интригах, а вот порядок в собственной семье навести не в состоянии. И двое его сыновей пошли в него: талантами не блещут, зато в подлостях и кознях знатоки.

Ань Чанцин впервые слышал, чтобы тот так язвительно о ком-то отзывался. Опешив на миг, он не удержался от подколки:

— А как же третий сын? У канцлера Ань их вообще-то трое.

Сяо Чжигэ косо взглянул на него и со всей серьезностью ответил:

— Третий молодой господин пошел в родную мать, так что он, разумеется, прекрасный человек.

Ань Чанцин прыснул со смеху. Надо же, этот молчун обычно слова доброго ни о ком не скажет, а как начнет хвалить — да так умело, что даже его матушке комплимент достался!

Сяо Чжигэ не понял, над чем тот смеется, но, глядя на его улыбку, сам слегка разгладил брови и добавил:

— Отца Ли Хайюня на днях переводят в Ецзин, и весьма вероятно, что его повысят до заместителя главы Храма Тайфу. Храм Тайфу ведаёт казной, доходами и расходами государства — должность эта ключевая и влиятельная, за него непременно начнут бороться наследный принц и третий брат. Чтобы избежать подозрений, тебе лучше впредь поменьше с ним общаться.

Ань Чанцин протянул «о-о» и с улыбкой посмотрел на него:

— Князь желает избежать подозрений или просто не хочет, чтобы я общался с кузеном?

Выражение лица Сяо Чжигэ на мгновение застыло. Помолчав, он медленно произнес:

— ...Он мне не нравится.

Улыбка Ань Чанцина стала еще шире, он прищурился:

— Раз князю он не по душе, значит, я буду видаться с ним как можно реже.

Губы Сяо Чжигэ, сжатые в узкую линию, едва заметно дрогнули в улыбке, и он сдержанно кивнул: «Угу».

Видя это, Ань Чанцин не стал продолжать разговор о Ли Хайюне и сменил тему:

— Матушка и Юй-эр послезавтра отправляются в загородное поместье. Охрана там из местных крестьян, поэтому я хочу отправить с ними нескольких стражников из нашего поместья, чтобы они присматривали за ними. Решил сначала предупредить княже.

— В таких мелочах решай сам, не обязательно докладывать мне, — взгляд Сяо Чжигэ стал чуть глубже. — Зато у меня есть к тебе одно важное дело.

— Хм? Какое дело? — изумился Ань Чанцин.

— Здесь говорить неудобно, — произнес Сяо Чжигэ и увлек его за собой в главный двор. Войдя в комнату и заперев двери и окна, он достал из рукава рецепт ухода за телом, написанный Ху Шифэй, приготовленные мази и бальзамы, а также несколько палочек из светло-зеленого нефрита и выложил все это на стол. — Это рецепт подготовки и ухода, который я попросил у лекаря. Мази и остальные принадлежности я приготовил. Отныне ты должен каждый день ухаживать за собой и тренироваться строго по инструкции.

??? Ань Чанцин с растерянным видом взял со стола бумагу и пробежался глазами по нескольким строкам. В то же мгновение его лицо вспыхнуло до самых ушей, и он отбросил рецепт обратно, словно тот обжигал пальцы:

— Это еще зачем?!

— Отношения между мужчинами все же идут вразрез с гармонией Инь и Ян. Только если правильно готовиться и ухаживать за собой, можно избежать вреда для здоровья, — Сяо Чжигэ говорил невероятно серьезно, будто докладывал о важнейших государственных тайнах.

Ань Чанцин посмотрел на вещи на столе, затем на него. В душе он тихо ругался: когда столь серьезный человек начинает творить подобное, с этим просто невозможно совладать! Снедаемый смущением, он еще раз перечитал рецепт, спрятал остальные вещи во второй ящик у изголовья кровати и лишь после этого тихо пробормотал:

— Я понял.

Сяо Чжигэ все еще не успокоился и добавил:

— Нужно упражняться каждый день строго по рецепту. И только когда ты всему научишься, мы сможем разделить ложе.

Услышав это, Ань Чанцин окончательно вышел из себя. Залившись краской, он сверкнул на него глазами:

— Кто вообще собирался делить с тобой ложе?!

С этими словами он, пыхтя от обиды, толкнул дверь и выбежал вон.

Сяо Чжигэ остался в комнате в полном недоумении. Вчера же он сам спрашивал, не пора ли им разделить ложе, отчего же сегодня так переменился?..

Новый год остался позади, а с ним пролетела и первая половина первого месяца. Вторая промчалась столь же незаметно, и не успели люди опомниться, как уже наступил второй месяц. Восьмой день второго месяца пришелся на Цзинчжэ — благодатное время, когда гремят первые весенние грозы и пробуждается природа. А вслед за Цзинчжэ наступал Праздник цветов.

В прежние годы в эту пору льды и снега уже таяли, моросил ласковый весенний дождь, природа расцветала, а ветви деревьев вдоль дорог покрывались свежей зеленью. Улицы и переулки пробуждались от зимней спячки, и весь город начинал готовиться к Празднику цветов.

Однако в этом году зима никак не желала уходить, весна запаздывала, и даже на оградах все еще лежал незастаявший снег.

Ань Чанцин сидел у жаровни и сквозь окно смотрел на заснеженные крыши вдалеке. Он понимал: на этот раз всё повторяется точь-в-точь так же, как и в прошлой жизни. Сяо Чжигэ до этого уже ходил во дворец и убеждал императора Аньцина выпустить указ для всех провинций, чтобы простые люди меньше выходили из дому и заранее готовились к лютым холодам.

Однако император Аньцин призвал своего доверенного даосского наставника из обители Тайцин и велел тому гадать. Наставник заявил, что со дня на день снег растает и вернется весна, а речи бродячего безумного даоса — сушь и вздор, верить которым нельзя.

Император не просто отверг совет Сяо Чжигэ, но еще и жестко отчитал его.

Слыша об этом, Ань Чанцин испытывал смешанные чувства. Его охватило тяжелое ощущение неизбежности: бедствия, пережитые в прошлой жизни, похоже, так и не удастся предотвратить.

Впрочем, Сяо Чжигэ успокаивал его: припасенные ими зимние припасы уже помогут спасти немало жизней, а если сбудется то, о чем предупреждал «сон» Ань Чанцина, князь найдет новые способы помочь, да и дворец в конце концов не сможет игнорировать катастрофу.

Вспомнив об амбарах и складах, забитых доверху одеждой, зерном и древесным углем, Ань Чанцин немного успокоился.

Хотя на календаре наступила весна, погода за окном становилась суровее день от дня. Ань Чанцин переживал за матушку и сестру, оставшихся в загородном поместье, и снова отправил слуг, чтобы те доставили госпоже Юй и Ань Сяньюй еще больше зерна и угля. И именно в тот день, во второй половине дня, когда слуги из поместья князя вернулись назад, с неба неожиданно посыпался град величиной с кулак.

Град с оглушительным треском рушился на землю, и ветхая черепица на крышах в мгновение ока покрывалась дырами.

Ань Чанцин смотрел, как слуги во дворе, согласно его прежним указаниям, спешно укрываются в ближайших постройках, и с облегчением вздохнул. Но вскоре его сердце снова сжала тревога.

События прошлой жизни происходили слишком давно. Он помнил лишь то, что бедствие началось с града, но в какой именно день и час тот выпал, позабыл. Поэтому с самого начала второго месяца он жил в постоянном напряжении и страхе.

И вот теперь град наконец обрушился. С одной стороны, это принесло разрядку, но с другой — заставило еще сильнее переживать о том, что происходит на улицах и в загородном поместье.

Град бушевал почти четыре часа, прежде чем прекратиться, и сразу же сменился сильным снегопадом. Завывал лютый северный ветер, крупными хлопьями кружа снежную крупу. Слуги, подготовившиеся заранее, воспользовались тем, что крыши еще не совсем занесло, и быстро приставили лестницы, чтобы заделать поврежденную черепицу.

А на улицах Ецзина в это время царил полный хаос.

У ненадежных построек крыши пробило насквозь, и хозяева в панике латали прорехи; прохожие, не успевшие спрятаться от стихии, получили увечья, и перед лекарями Ецзина выстроились длинные очереди из раненых. Были и те, кто, глядя на столь аномальную погоду, заранее почуял недоброе и уже в тайне начал скупать древесный уголь...